

A. P. ...

...

К.М.Станюкович. Собр.соч.в 10 томах. Том 8. //Издательство «Правда»,
Москва, 1977
FB2: "Ustas ", 2006-09-06, version 1.0
UUID: 81F9CCF9-3EE7-4657-97AF-CC6F685EAF7A
PDF: fb2pdf-j.20180924, 29.02.2024

Константин Михайлович Станюкович

Шутка

Содержание

I.....	.0005
II.....	.0012
III.....	.0016
IV.....	.0021
V.....	.0026

**Константин Михайлович
Станюкович
Шутка
(Рассказ из былой морской
жизни) [1]**

Было это давным-давно.

Жарким сентябрьским днем 1860 года клипер “Голубчик” под брейд-вымпелом начальника отряда поднимался по реке Янтсе-Кианг [2], направляясь из Шанхая в Ханькоу [3].

Жара стояла палящая, и тент над головами мало помогал. Жарило и солнце, дышала, казалось, жаром и мутно-желтая, широкая река с плоскими берегами.

Кочегары, работавшие у топок, то и дело выбегали наверх, и их обливали водой из брандспойта. Матросы, отдохавшие после обеда на палубе, томились, напрасно стараясь заснуть и проклиная китайскую сторону и непривычное для них пекло. Вахтенные изнывали, не находя места. Даже боцман Егорушкин настолько раскис, что не выпускал, по обыкновению, фонтанов сквернословия из своей “луженой глотки”, как называли матросы горло Егорушкина, вероятно, в честь его способности ругаться и выпивать на берегу большое количество всяких спиртных на-

питков, оставаясь при этом на ногах и даже в “форменном” рассудке.

Стоявший на мостике вахтенный начальник мичман Вергежин млел в своем расстегнутом чесучовом кителе под палящими лучами солнца, — так как над мостиком тента не полагалось, — млел и лениво поглядывал на низкие берега реки, не думая решительно ни о чем. И прислониться было нельзя. Поручни вокруг мостика горячие. И отовсюду на клипере пышало жаром.

Несколько оживлялся мичман только тогда, когда джонки бывали под носом, и Вергежин приказывал давать свистки и иногда стопорить машину.

У компаса недвижно стоял пожилой лоцман китаец с желтым бесстрастным лицом. В своей кацавейке и с черной, украшенной шариком шапочкой на голове, он, казалось, не чувствовал дьявольского зноя.

Этот лоцман китаец, взятый в Шанхае, вел клипер по реке и почти не сходил с мостика. Звали его Атой, а матросы, разумеется, называли “Атойкой” и дивились, что “длиннокосый” отказывался от водки, ел очень мало, и толь-

ко рис.

В первом часу клипер проходил мимо Нанкина [4], заставившего Вергежина лениво вспомнить географию, лениво взглянуть на громадный город со множеством пагод и знаменитой башней [5] и лениво отвернуться, не испытывая ни малейшего желания побывать на берегу, так как китайки после наблюдения их в Шанхае нисколько не пленили мичмана. Да и к тому же он находился еще под впечатлением красоты мисс Кэтти, наездницы из цирка в Гонконге, с которой две недели тому назад он провел три “чудных”, по его словам, дня, настолько чудных, что прихватил у ревизора жалованья за месяц вперед и, в память этих дней, носил на мизинце кольцо с драгоценным камнем неизвестной, впрочем, породы, которое черноглазая мисс Кэтти, уроженка Флориды, подарила вместе со своей фотографией Вергежину, великодушно истратив на подарок двадцать восемь шиллингов из двадцати фунтов, полученных ею “на перчатки” от щедрот тороватого и влюбленного мичмана.

— Атой! А китайки красивы в Нанки-

не? — спросил по-английски Вергежин лоцмана.

Китаец довольно равнодушно ответил на ломаном английском языке:

— Красивы.

— Как в Шанхае?

— И в Шанхае красивы, и в Нанкине красивы, и везде молодые китайки красивы...
Надо правей держать. Влево отмель...

— Лево руля! — скомандовал Вергежин.

Нос клипера покатился вправо.

— Так хорошо! — промолвил лоцман.

— Так держать! Заметь румб! — крикнул мичман.

— Есть! — отвечал старший рулевой из-под мостика, где помещался штурвал.

Прошло минут двадцать после того, как клипер миновал Нанкин, когда Вергежин увидал на правом берегу реки огромные скопища людей. Две толпы, отделенные одна от другой большим пространством, казались издали движущимися пятнами. И среди этих пятен то и дело вспыхивали дымки, вслед за которыми доносился слабый сухой треск ружейных выстрелов.

— Пожалуйте бинок, ваше благородие! — проговорил сигнальщик, подавая Вергежину большой морской бинокль.

Мичман стал смотреть на берег и в бинокль довольно отчетливо увидел вооруженных людей и несколько всадников. Между этими нестройными толпами китайцев, очевидно, происходила битва.

— Атой! Это что значит? — спросил Вергежин.

Китаец приложил к своим узким глазам маленькую костлявую руку с огромными грязно-желтыми ногтями и, по-видимому, бесстрастно глядел на то, что уж заметил раньше всех.

— Тайпинги с манжурами дерутся [6], — наконец произнес он.

Хотя Вергежин и мало был знаком с китайскими делами, но слышал и кое-что читал о том, что в Китае уже несколько лет как идет борьба между тайпингами — как звали восставших китайцев — и правительством. Он знал, что война ведется с переменным счастьем, что несколько городов южного Китая во власти мятежников и что в их войсках в

числе начальствующих офицеров много европейцев.

И Вергежин кстати припомнил недавний рассказ товарища, мичмана с корвета “Кре-чет”, стоявшего одновременно с “Голубчиком” на шанхайском рейде, как в одном из Ship-Shendlers, — как называются на Дальнем Востоке европейские лавки, в которых можно купить решительно все, начиная от гвоздя и до духов, — хозяин лавки, старый еврей, давно эмигрировавший из южной России, тайно предлагал молодому офицеру поступить майором на службу к тайпингам и говорил, что он при заключении контракта получит две тысячи долларов и будет получать по шесть тысяч долларов в год.

— Которые тайпинги? Верно, те, впереди которых несколько европейцев верхом? — спрашивал Вергежин, не отводя глаз от бинокля.

— Да... Поближе к нам.

И через минуту прибавил:

— Они побьют манжуров.

— Вы думаете?

— Непременно. У тайпингов англичанин

начальник.

— И много тайпингов в Китае?

— Много. Все бедные люди, которые понимают, отчего им нехорошо жить, — тайпинги.

— Чего ж они хотят?

— Лучшей жизни. А при мандаринах [7] это невозможно.

Вергежин перестал смотреть на берег и спросил китайца:

— А вы, Атой, конечно, тайпинг?

— Тайпинг! — ответил, понижая голос, лоцман.

— Отчего же вы не там, не с ними?

— У меня другое дело. Не всем надо быть солдатами.

Вергежин спохватился, что не дал знать капитану о том, что делается на берегу, и приказал сигнальщику доложить командиру, что идет сражение.

— Есть, ваше благородие!

И матрос побежал было к трапу, но в ту же минуту вернулся и доложил:

— Сами идут, ваше благородие!

Начальник отряда и командир “Голубчика”, Оба в расстегнутых белых кителях, поднялись на мостик.

Они только что позавтракали и, судя по зарасневшим веселым лицам, замаслившимся глазам и несколько неуверенной походке, позавтракали очень хорошо.

— Это что такое? — спросил, обращаясь к Вергежину, капитан, статный, довольно красивый блондин, указывая маленькою белой и холеною рукой на берег.

Тон его голоса был, по обыкновению, властный, хотя и любезный.

— Лоцман говорит, тайпинги дерутся с манжурами.

— То-то дерутся, а вы не даете знать.

— Я только что послал сигнальщика.

— Надо было не “только что”, а раньше, когда увидели! — перебил капитан.

И обращаясь к начальнику отряда с увеличенной почтительностью именно потому, что не ставил его ни в грош, проговорил:

— Сражение, Иван Иваныч. Эти каналы

китайцы дерутся между собой.

Начальник отряда, состоявшего всего из двух судов, назначенных к возвращению в Россию, бывший до того командиром корвета и “сплавленный” начальником эскадры Тихого океана, “беспокойным адмиралом”, под видом почетного назначения, — высокий, полный и рыхлый мужчина лет пятидесяти, с большим брюшком, выдававшимся из-под расстегнутого жилета, с добродушно-веселым лицом, засмеялся густым, сочным смехом и, пустивши по адресу китайцев крепкое словечко, прибавил:

— Небось зададут лататы друг от друга. Трусые эти подлецы!

— Не угодно ли взглянуть на них в бинокль?

И капитан передал Ивану Ивановичу бинокль, а себе велел подать подзорную трубу.

Иван Иванович расставил ноги, чтоб крепче держаться, и, тяжело дыша и подсапывая крупным мясистым носом, стал глядеть на берег.

— Перестреливаются... Пугают друг друга, а не сходятся. Экие болваны! — говорил Иван

Иванович и снова залился смехом.

Трудно было понять, отчего он смеялся. Оттого ли, что “болваны” перестреливались, или оттого, что за завтраком Иван Иванович, кроме трех рюмок джина, попробовал и херес, и лафит, и ликеры.

Смотрел и капитан в подзорную трубу.

И вдруг, словно бы осененный внезапной счастливой мыслью, обратился к Ивану Ивановичу и проговорил:

— Не разрешите ли, Иван Иванович, попробовать наше бомбическое орудие?

Иван Иванович, казалось, не понимал, в чем дело, и еще более выкатил свои большие рачьи глаза.

— То есть как это попробовать?

— А послать бомбу этим канальям! Отличный будет сюрприз! — прибавил капитан, улыбаясь и, видимо, увлеченный сюрпризом.

Иван Иванович понял, и мысль капитана ему понравилась, потому что он весело раскатился смехом и с добродушием начальника, охотно исполняющего просьбы, проговорил:

— А что ж? Отчего не попробовать... Попробуем! Валяйте, Андрей Николаевич! Толь-

ко, конечно, в бунтовщиков... В этих... Как вы назвали их?

— Тайпинги, Иван Иванович.

— Так пускайте безешку [8] тайпингам... Пусть каналы поймут, какие бывают безешки... А как отличить бунтовщиков? Или... так... в кого бог даст?

— Я у этого болвана спрошу! — сказал капитан и обратился к лоцману.

Ничего не подозревавший китаец не без некоторого достоинства указал на толпу своих единомышленников и прибавил:

— Уж они неделю тому назад побили манжуров... Те бежали. И сегодня побегут...

— Что это он говорит, Андрей Николаевич?

— Надеется, что мятежники разобьют правительственные войска, Иван Иванович. Он, видно, сам тайпинг.

— А вот мы их шуганем!.. Ха-ха-ха! Тоже бунтовать, подлецы!

Вергежин не верил своим ушам.

В высшей степени взволнованный и возмущенный, глядел он то на капитана, то на Ивана Ивановича.

“Пьяны они, что ли?” — подумал мичман.

Но нет! Заметно весел был Иван Иванович... Капитан был только слегка возбужден.

“Господи! Да что же они собираются делать?” — мысленно спрашивал себя молодой человек.

— Владимир Сергеич! Самый малый ход! — приказал капитан.

— Есть!

Вергежин повернул ручку машинного телеграфа.

“Голубчик” замедлил ход.

— Владимир Сергеич! Вызовите прислугу к первому номеру. И за старшим артиллеристом послать... Крюйт-камеру открыть и зарядить орудие большим зарядом и бомбой! — не спеша, отчетливо и ясно отдавал капитан приказания вахтенному начальнику.

Но Вергежин не двигался с места и как-то

странно глядел в глаза капитана. И в этом взгляде стояли и укор и мольба.

— Вы слышали приказание? — высокомерно произнес капитан, отводя свой взгляд.

— Слышал, но не считаю возможным исполнить ваше приказание, Андрей Николаевич! — тихо, чуть слышно проговорил Вергежин, прикладывая руку к козырьку фуражки.

— Что-с? — изумленно спросил капитан, казалось, не понимая, что говорит мичман.

— Я отказываюсь исполнять такие приказания. Прошу занести об этом в шканечный журнал и протестовать меня... Стрелять в людей...

Капитан не дал Вергежину договорить.

Щуря позеленевшие вдруг глаза, он презрительно усмехнулся и сказал:

— Мне не интересны ваши мнения, господин Вергежин. Немедленно сдайте вахту сменяющему вас вахтенному начальнику.

И с этими словами повернулся к мичману спиной.

Иван Иванович, стоявший тут же, сделал вид, что ничего не слышал, и только покосился на Вергежина.

— А как бы нам не влетело, Андрей Николаевич? — шепнул он капитану.

— За что? Мы будем палить в бунтовщиков...

— Разве что так. Как союзники богдыхана [9]?..

— Именно... А случай хороший попробовать стрельбу. Жаль упустить.

— То-то жаль...

И Иван Иванович опять рассмеялся.

Когда на мостик поднялся начальник первой вахты, лейтенант Кичинский, рыжеватый блондин, с несколько ошалелым взглядом голубых глаз, Вергежин сказал ему, что сдает вахту по приказанию капитана и, объяснив, чем вызвано это приказание, тихо прибавил:

— Откажитесь и вы, Василий Петрович. Ведь это возмутительное дело... Понимаете? Откажитесь. Под суд можете попасть... Право, можете! — нарочно застращивал Вергежин трусливого и бесхарактерного лейтенанта.

Но лейтенант Кичинский растерянно взглянул на Вергежина и ничего не ответил.

Капитан приказал ему вызвать прислугу к

бомбическому орудью, и Кичинский тотчас же крикнул:

— Боцман!.. Прислугу к первому номеру! Зарядить его бомбой!

— Трус, трус, трус! — шептал Вергежин, спускаясь с мостика.

Он стремительно вбежал в кают-компанию и воскликнул:

— Господа! Да разве это возможно?

— Что вы взъерепенились, Володенька?.. И почему спустились вниз? — спросил кто-то.

Волнуясь и спеша, Вергежин рассказал, в чем дело.

Никто не отозвался. Все молчали, и все вдруг словно бы почувствовали неловкость.

Только пожилой врач из семинаристов заметил:

— Свинство порядочное.

— Хуже... Это позор...

— Не горячитесь, Владимир Сергеич! Не ваше дело судить о распоряжениях командира. Он сам отвечает за свои поступки! — внушительно заметил суровый на вид и большой добряк старший офицер.

— Но если поступки сумасшедшие?

— Я не могу допустить таких разговоров в кают-компании. Прошу их прекратить, Владимир Сергеич!

И с этими словами старший офицер поднялся с дивана и вышел из кают-компании.

Вышел и артиллерист, за которым прибежал с вахты унтер-офицер.

Вслед за ними ушли наверх и остальные офицеры. В кают-компании остались только доктор и Вергежин.

— Что ж это такое, доктор? — чуть не плача, воскликнул мичман.

— Проба орудия...

— И ведь что удивительно: умный и порядочный человек, а между тем... Это что-то невероятное...

— Быть может, влияние хорошего завтрака... Это вернее всего.

— И все молчат!

— Как видите.

— Нет, я, как вернемся в Россию, выйду в отставку! — решительно воскликнул Вергежин.

— И хорошо сделаете, — ответил доктор.

IV

Выражение ужаса исказило черты желтого бесстрастного лица лоцмана и мелькнуло в его глазах, когда он увидел, что заряжают орудие.

Но китаец овладел собой и, казалось, что-то обдумывал.

— Надо держать у левого берега... Право на борт! — вдруг проговорил он, обращаясь к вахтенному офицеру. — Здесь мелко... Нельзя идти! — пояснил лоцман.

— Право на борт! — скомандовал лейтенант Кичинский.

— Это зачем? — крикнул капитан.

— Лоцман сказал.

— Эта каналья врет. Он — тайпинг и хочет нас одурачить. Держать ближе к правому берегу.

— Есть!

И рулевые снова переложили руль.

Тогда лоцман подошел к капитану и сказал:

— Я ошибся, капитан... Я виноват, капитан...

— Что такое?

— Тайпинги не эти. Вон где тайпинги, капитан! — говорил он, указывая вздрагивающей рукой на войско манжуров-империалистов.

— Врешь ты...

— О нет, капитан. Я тогда не разглядел, а теперь хорошо вижу.

Капитан насмешливо улыбнулся.

— Капитан...

— Убирайся прочь...

Лоцман отошел и замер в неподвижной позе у компаса.

Орудие, стоявшее впереди мостика, у грот-мачты, было заряжено, и артиллерист, приблизившись к капитану, доложил:

— Готово! Куда прикажете палить?

И странное дело! Этот вопрос поставил, по видимому, капитана в некоторое затруднение, и он несколько секунд не отвечал.

Хмель, если он и был в его голове, выскокил в эту минуту, и намерение послать бомбу в тайпингов вдруг представилось ему невозможной, нелепой жестокостью.

Но отменить приказание, велеть разря-

дить орудие казалось ему несовместимым с его, капитанским, престижем.

Почти все офицеры и матросы были наверху. Недоумевающие, молчаливые и, казалось, втайне осуждающие то, что готово было свершиться, смотрели они то на мостик, где стояло начальство, то на берег, откуда доносились ружейные выстрелы.

Вот перед этими-то всеми людьми капитан, ревниво оберегающий свое достоинство, и не хотел показаться смешным, отменивши свое приказание и словно бы показавши перед всеми, что он испугался протеста мичмана Вергежина.

И, бросив взгляд на палубу, он заметил, что Вергежина и доктора нет наверху. И он понял, почему их нет, понял их негодование, и сам испытывал в эту минуту тяжелое чувство человека, попавшего в невозможное положение.

Но, разумеется, ничто не выдавало мучительности его душевного состояния. Казалось, он был совершенно спокоен и знал, что надо делать.

И, взглядывая на берег и измеряя своим

привычным “морским глазом” расстояние, он, наконец, тихо сказал артиллеристу:

— Поставьте на самый дальний прицел и наведите орудие в промежуток между двумя толпами китайцев: посмотрим, как далеко упадет снаряд.

Выход был найден.

И повеселевший капитан, усмехнувшись, прибавил:

— Бомба должна упасть далеко за этими канальями. Так смотрите: на самый дальний прицел!

— Есть! — отвечал пожилой артиллерист из “бурбонов” и, казалось, был несколько разочарован.

Спустившись с мостика, он отдал приказание комендору.

Минуты через две-три орудие было наведено. Артиллерист сам несколько раз проверил наводку и, обливаясь потом, красный как рак и несколько торжествующий, что служит предметом общего внимания, смотрел, выпучив глаза, на мостик, ожидая приказа стрелять.

На палубе наступила тишина, та угнетаю-

щая тишина, которая невольно бывает при виде чего-то непонятного, возмущающего людскую совесть...

Почти все матросские лица были напряженно-серьезны. У всех, казалось, была одна и та же мысль. И она искала выхода в вопросе, которым тихо обменивались матросы:

— Неужто в людей будем палить?

И веселые лица начальников, стоявших на мостике, вызывали осуждение.

— Гляди, как Атойка замер! — заметил кто-то из матросов.

— А ты думал как?.. В его будут палить. Ему и жалко.

А лоцман китаец действительно словно бы замер.

Его желто-бледное с обтянутыми щеками лицо стало еще желтей и в своей неподвижности, с закрытыми глазами, казалось безжизненным.

О чем думал, как проклинал в эти минуты китаец “варваров”, которые готовы были шутя совершить ужасное дело?

Он открыл глаза. Взгляд их сверкнул выражением ненависти и презрения.

— Можно стрелять! — сказал капитан
— Мвахтенному офицеру и стал смотреть
в подзорную трубу.

— Стреляйте! — отдал приказание вахтен-
ный офицер.

Все бинокли и все глаза устремились на
берег. Он был в близком расстоянии, так как,
по приказанию капитана, клипер приблизил-
ся к берегу.

— Пли! — скомандовал артиллерист.

Раздался оглушительный грохот выстрела
бомбического орудия и вслед за тем резкий,
шипящий свист вылетевшего снаряда. Пушка
стремительно откатилась назад. Белое облач-
ко дымка недвижимо стояло у борта, не сразу
тая в раскаленном воздухе.

Черный шарик, обратившийся в едва за-
метную точку, описав покатую дугу, быстро
скрылся из глаз. Еще минута, и далеко-далеко
за сражавшимися блеснул огонек и раздался
треск разорвавшейся бомбы.

Мертвенное лицо китайца словно бы ожи-
ло, и с матросских лиц вдруг исчезла напря-

женность.

— Не в людей, значит! — уже громко и с чувством невольного облегчения проговорил какой-то невзрачный, рябенький, низенький матросик и перекрестился.

— А ты думал, в людей, дурья голова? Станет он палить в безвинных людей. Небось не станет!.. Так, пробу орудия велел сделать! — отвечал другой матрос, еще за минуту не сомневавшийся в том, что будут стрелять в “китайца”.

Словно бы чувствовавший себя виноватым за такую уверенность, он теперь защищал капитана.

А капитан приказал закрепить орудие походному и распустить орудийную прислугу, подошел к Ивану Ивановичу и тихо проговорил:

— Я не велел стрелять в этих каналий. Черт с ними! Что их трогать!

— И отлично сделали! — обрадованно отвечал Иван Иванович. — А то дошло бы как-нибудь до Петербурга, что мы с вами чужих бунтовщиков угощаем бомбой... Эти подлецы не стоят того, чтобы из-за них иметь неприят-

ности с начальством.

— И я то же подумал, Иван Иваныч.

— И знаете ли что, Андрей Николаич?

— Что прикажете, Иван Иваныч?

— Не прикажу, а попрошу вас, Андрей Николаич, не заносить об этом выстреле в шка-
нечный журнал.

— Я прикажу не заносить.

— Так-то и лучше, без официальности. А
то... мало ли что выйдет? Почему стреляли?
Зачем стреляли в китайский берег? И окажется
потому, что мы с вами, Андрей Николаич,
позавтракали хорошо и что вино у нас отлич-
ное...

Иван Иванович весело рассмеялся и при-
бавил:

— А теперь не худо бы содовой с коньяком.
Как вы об этом думаете, Андрей Николаич?

— Мысль не дурная, Иван Иваныч.

— Так приходите скорей. А я жариться бо-
лее не намерен, — проговорил Иван Ивано-
вич и ушел с мостика.

Капитан приказал дать полный ход и ска-
зал лейтенанту Кичинскому:

— Сдайте вахту Владимиру Сергеичу. Ему

ведь достаивать!

И перед тем что уйти с мостика, он подошел к лоцману и, потрепав его по плечу, шутливо промолвил:

— Что, Атой, струсил за своих тайпингов?

— Я за них не боялся, капитан!

— Еще как боялся! И хотел, чтобы мы в манжуров стреляли. И мели у правого берега выдумал... Струсил, признайся?

— Нет, капитан. Я вполне был уверен, что русский великодушный капитан не прикажет стрелять в чужих людей, которые ему ничего не сделали!.. — с изысканною вежливостью ответил китаец и в знак уважения присел на корточки.

Капитан более не продолжал шутливых расспросов и, казалось, несколько сконфуженный, торопливо спустился вниз и ушел в каюту пить содовую воду с коньяком.

“Голубчик” опять пошел полным ходом, рассекая своим острым носом мутно-желтую воду Янтсе-Кианга. На клипере снова все изнывали от адской жары, кроме Атоя, недвижно стоявшего у компаса.

По временам он поворачивал свое желтое

лицо назад и смотрел на берег. Но скоро клипер повернул в изгиб реки, и сражавшихся не было видно.

— А что, Атой, тайпинги побьют манжуров? — спросил Вергежин.

— Непременно! — ответил лоцман.

И взгляд его узких темных глаз светился мягче, когда он глядел на Вергежина.

По-видимому, китаец догадывался, отчего молодой мичман был сменен с вахты и не был наверху во время стрельбы.

Примечания

Впервые — журнал “Русская мысль” 1899, № 4.

[^^^]

Янтсе-Кианг — старое название китайской реки Янцзы (буквально — голубая река).

[^^^]

3

Ханькоу — портовый город на реке Янцзы в 1200 километрах от впадения ее в море. По Тяньцзинским договорам 1858 года был открыт для европейской торговли.

[^^^]

4

Нанкин (буквально — южная столица) — древний китайский город, неоднократно являлся столицей Китая.

[^^^]

...громадный город со множеством пагод и знаменитой башней. — Пагода — буддийское храмовое сооружение башенной формы. Знаменитая башня — единственная в мире башня из фарфора, разрушенная в 1864 году во время уличных боев между тайпинами и воорвавшимися в город правительственными войсками.

[^^^]

6

Тайпингис манжурами дерутся... — тайпинги (тайпины) — участники антифеодалного Тайпинского восстания 1850-1864 гг.

[^^^]

Мандарин — государственный чиновник феодального Китая.

[^^^]

8

Безешка — поцелуй (от франц. baiser).

[^^^]

Как союзники богдыхана. — Богдыхан — один из титулов феодальных императоров Китая.

[^^^]